

An illustration in a sketchy, watercolor style. Two women are standing in a room with a brick wall. One woman is seen from the back, wearing a long, dark, textured coat and a dark hat. The other woman is facing her, wearing a light blue or grey outfit and a dark hat with a yellow smiley face. Above them is a large, ornate chandelier with many hanging lights. In the background, there is a window or doorway. The overall mood is dark and mysterious.

**Когда сказки
превращаются
в кошмары.
Часть 2.
Феечка.**

Леди Дракнесс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Когда сказки превращаются в кошмары

Леди Дракнесс

**Когда сказки превращаются
в кошмары. Часть 2. Феечка**

«Автор»

2020

Дракнесс Л.

Когда сказки превращаются в кошмары. Часть 2. Феечка /
Л. Дракнесс — «Автор», 2020 — (Когда сказки превращаются в
кошмары)

Старая сказка про Золушку не лжет, но недоговаривает...Вторая часть дилогии: рассказ той самой подруги, которую Золушка называла Феей, а почему — сама девушка долго не понимала. В ее жизни не было никаких чудес, если не считать таковым свободу, полученную ценой разрыва со строгой кавказской семьей. Но после одного странного и страшного события Феечке вдруг открывается другой мир — волшебный и пугающий. В нем существуют демоны, вампиры, монстры, биороботы и прочие неприятные и опасные создания. Стоит ли удивляться, что волшебной палочкой доброй Феечки становится снайперская винтовка?

Содержание

Пролог	5
Ночь осеннего равноденствия	8
Настоящая история Кота в Сапогах (или Предыстория ночи осеннего равноденствия...)	18
После полуночи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леди Дракнесс

Когда сказки превращаются в кошмары. Часть 2. Феечка

Пролог

Помню свой первый переход в параллельный... Нет, не на другую сторону нашего Мира, а именно в параллельный. Мы выдвинулись группой рано вечером. К полуночи были в нужной точке. В Псковской. Почему именно мы, спецы из Питера? Не знаю. Видимо, ближе никого не нашлось. Так что именно наша группа выдвинулась рано вечером из города и направилась в сторону Пскова, к точке перехода, именуемой Дверью.

Как и кто определил, где находится эта Дверь? Я не знаю. Возможно, проход на ту сторону был постоянный и о нем знали. Возможно, проявлялся в определенные дни и отрезки времени. А возможно, были те, кто умел чутать такие вещи. И уже по их указанию группу и отправляли в нужное место и время.

Кто его ведает? Точно не я. Знаю только, что когда мы подъехали и выгрузились из машин, то Проход парил над землей, в трех метрах. И выглядел, надо признать, красиво: черная дверь с пробивающимся из-под нее ярко-красным свечением на фоне темно-серого, с примесью голубизны, ночного неба с первыми проявившимися звездами на нем.

Выглядело-то оно красиво, да только, учитывая высоту нахождения портала, без лестниц и веревок тут точно было нечего делать. Впрочем, требуемое не было проблемой – все нужное было взято с собой.

Я забралась по лестнице первая и, распахнув Дверь, вздохнула с некоторой долей облегчения: с той стороны это была обычная дверь, располагающаяся на обычной высоте в одном из пустующих домов чужого мира.

Выбравшись наружу и заняв позицию, я огляделась.

Мир, в который мы попали, был выдержан в красной цветовой гамме, если так можно выразиться. Красное небо над головой с заходящим, красным же, солнцем. Красный кирпич стен домов или красная штукатурка, покрывающая дома. Коричневато-красноватые стволы деревьев с шипами вместо листвы. В глазах поистине все заволокло красным.

Серый асфальт под ногами, правда, не особенно-то и отличался от нашего. Зато он замечательно контрастировал с красным цветом всего остального вокруг, не давая закружиться голове.

Хорошо было и то, что энергетика данного Мира не сильно разнилась с нашей. Хотя к ней все равно надо было приспособиться, если не хочешь отличаться от аборигенов.

Впрочем, долгое пребывание в данной местности не входило в наши планы.

А в наши планы входило отыскать группу террористов, напакостивших у нас и ушедших через портал в другой Мир, дабы не встречаться с бравыми парнями из спецназа в нашем, т. е. остаться безнаказанными. Да ща им!

Я принялась и прислушалась к окружающему пространству. Мало ли что вокруг творится в плане энергетических возмущений?

Через пару минут поняв, что прямой опасности нет, и посему чуть расслабившись, я начала настраиваться на нужный след. Пытаясь вычленив нужные нам вибрации из множества других, коими был наполнен данный Мир, впрочем, как и любой другой.

Настройка, впрочем, не мешала мне думать и о... Да о разном. Как мы все тут оказались, например?

Все равно, пока здесь не соберется вся группа, мы с места не тронемся. А сядь я сразу же на след бандюков, запросто могу привлечь к себе ненужное внимание. Вибрации должны быть естественными для данной территории. И изменения в них вносятся исподволь и поначалу быть легкими, едва заметными. Чтобы сойти за обычные.

Вот я и развлекалась – отвлекалась размышлениями о жизни, дабы не палить контору.

И размышления свои я начала с вопроса: так с чего это вдруг мы оказались в Другом Мире? С чего оно все началось?

А все началось тогда, когда в захваченных бандитами зданиях, после зачистки спецназом, никого из террористов не находилось. Они просто испарялись. Были убитые, была развешанная взрывчатка. Были разбитые окна и невзорвавшиеся гранаты. А вот террористов не было.

Как так? Задались вопросом спецы разведки и контрразведки. И просчитали нетривиальные пути отхода, которыми пользовались некоторые бандформирования, благо среди военных нашлись люди, владеющие энергетикой и кое в чем разбирающиеся. Нашлись, вопреки официальной позиции, относящие всю эту лабуду с параллельными Мирами, кротовыми норами и т. п. к магии, т. е. к области, не имеющей ничего общего с реальностью. И потому запрещенной. На исследование коей и время тратить не следовало, и тем более деньги.

Тем не менее разум, подкрепленный, вопросами без логичных на них ответов, возобладал, и пошла работа по изучению этих странностей, с привлечением определенного рода специалистов.

А дальше начался поиск способов проникновения в эти самые Миры, разведки в них, налаживания связей с тамошними спецами и выяснения, а с чего это вдруг, оттуда к нам заходят такие нехорошие люди?

И обнаружили, что кто-то из террористов просто умеючи пользовался Дверьми, аки проходными дворами. Исчезая в одном месте и выпрыгивая в другом, поближе к своим базам.

А кто-то жил в этих самых иных Мирах. И тут возникал вопрос: а чего это они в наш-то из своего зачастили? От скуки, что ль?

Вот и выяснилось, что кто-то и от скуки, а кто-то от обиды и из мести всей белой цивилизации, изгнавшей их когда-то из собственных домов. Майя, североамериканские индейцы, африканцы. Много кого обидели в свое время белые колонизаторы. Ответить им в то время той же монетой обиженные аборигены не могли.

Но месть, как известно, это такое блюдо, которое не остывает и через столетия. Вот и полилась кровь при первой же возможности. Благо, знания и способности потомки ушедших в иные Миры индейцев не растеряли.

Я вздохнула. Наши все были на местах, пора было вставать на след.

Энергия искомой группы тянулась по улицам города, проходя через мое сознание коричневатой нитью, оставляя кислый привкус во рту, щекоча ноздри прогоркшим запахом пота и оружия – не своих. И этот оставленный террористами энергетический отпечаток говорил о том, что нужная нам группа лиц, в полном составе недавно прошла здесь.

Запах и вкус чужих были противными. Так что я побыстрее рванула с места, словно ищейка, взявшая след. Ведь как говорится: раньше сядешь – раньше выйдешь. А мне очень хотелось поскорее избавиться от неприятных ощущений.

И я понеслась по улицам чужого города.

Шла, петляя под мостами, перекинутыми с одного берега на другой и соединяющимися в некий рисунок на карте города. Рисунок, напоминающий этакий натюрморт с бусинами, нанизанными на нитку. Где этой самой ниткой была река.

Я кралась вдоль стен домов, почти сливаясь с ними, чтобы не попасться на глаза местным, которые то ли поздно возвращались домой, то ли рано встали и куда-то спешили.

Пересекала улицы, площади, железнодорожные пути. Не особо обращая внимание на местные пейзажи, стремясь лишь не потерять, не порвать выхваченную мною из пространства нужную нам нить.

Где-то вверху кружил вертолет. Это местные обеспечивали нам поддержку.

Где-то сзади за мной следовала вся группа. Не отставая. След в след. Так же сливаясь с окружающим пространством.

Но все это было неважно. Важно было не потерять след и не завести своих в ловушку, вдруг да расставленную все же учувшими нас террористами.

Наконец я оказалась рядом с дверьми какого-то выставочного зала, судя по вывеске слева от входа в него. И рванув на себя дверь, прыгнула внутрь, тут же сдвинувшись в сторону. Давая место остальным.

Одновременно с моим прыжком послышался звон разбитого стекла. Судя по звуку, вертолет местных завис над нами, высаживая спецназ. Где-то в глубине здания, возможно, у черного входа, грохнул взрыв шумовой...

И началась зачистка помещения.

Выждав пару минут, я отправилась вглубь здания следом за группой. Судя по моим ощущениям, там все было закончено. Все были взяты.

Внутри одного из залов, стены которого были драпированы серым шелком, я остановилась. Оглядывая картины неизвестных мне художников, висящие на стенах в позолоченных рамах.

Что-то тут было неправильно. Я даже не сразу поняла, что именно. А потом взгляд мой остановился на...

Тут же, в обрамлении такой же рамы, что и картины, прибитая позолоченными крюками к серой стене, висела девушка. Вернее, то, что когда-то было ею.

Белая кожа, черные волосы, уложенные в прическу, напоминающую прическу гейш.

Она стояла обнаженная. Касаясь босыми ступнями со снятой с них кожей темно-коричневого паркета. С поднятыми вверх руками, с ладонями, развернутыми параллельно полу. Ее поза напомнила мне картину Пикассо «Девочка на шаре». С воздетых к небу ладоней была снята кожа и прибита гвоздями к стене. С животом, бедрами, ступнями было проделано то же самое. Так что серый шелк стены был залит алой кровью, создавая некий фон этой сюрреалистической «картине».

«Прям ацтекские привычки», – мрачно заключила я про себя, стоя напротив девушки.

Вокруг сновали люди в форме. Кто-то кого-то вызывал по рации.

Командир нашей группы дал мне отмашку, и мы рванули в обратном направлении.

И у меня хватило сил не оглянуться назад.

Потом, уже вынырнув в нашем Мире, уже сидя в «Тигре», я вспомнила висящую на позолоченных крюках девушку. А вспомнив о ней, начала вспоминать и о многом другом. Память раскручивала маховик воспоминаний в обратном направлении. Не скажу, что это было приятно или неприятно. Это было никак. Просто было. Просто пережито. Но когда-то же все было совсем не так, как сейчас. Когда-то же все начиналось. И я ведь когда-то собиралась стать ветеринарным врачом и лечить животных. А вовсе не бегать со снайперской винтовкой по параллельным Мирам за террористами. Да и о существовании иных Миров я совершенно не подозревала. И жила ведь себе спокойненько, никого не трогая. Обычной такой жизнью жила. С обычными проблемами.

А потом все изменилось. И возврата к прежнему незнанию не стало.

Так с чего же начался этот самый отсчет начала конца привычной жизни? Когда была пройдена точка невозврата? Я задумалась.

Может, со встречи с Золушкой? Или с моего побега из аула? Или с помойки?

Откинувшись головой на спинку сиденья и прикрыв глаза, я начала вспоминать...

Ночь осеннего равноденствия

Стремглав влетев за угол, я, почти не сбавляя скорости, затравленно оглянулась по сторонам и напрямик что есть мочи рванула в самый темный закуток кирпичного тупика, туда, где у стены темной грудой железа громоздились мусорные баки. И уже там, резко затормозив и одновременно развернувшись на сто восемьдесят градусов, плотно вжалась в холодную и чуть влажную от вечерней сырости кирпичную стену. Затем, лишившись остатков сил, медленно, скользя содранными ладонями рук по кирпичной кладке, сползла на землю. Дыхание сбилось, судорога сводила пересохшее горло, пульс бешено колотился где-то в затылке, крупная дрожь сотрясала все тело, щеки пылали. Опустившись на мокрый асфальт, я как можно плотнее прижала к груди колени и прерывисто всхлинула. Затем, обхватив их мокрыми, дрожащими руками, опустила на них подбородок и постаралась замереть, немного нервно прислушиваясь к окружающим меня звукам... Так и просидела какое-то время, почти не шевелясь, уставившись в одну точку ничего не видящим взглядом; периодически нервно вздрагивая всем телом. Сидела, стараясь успокоиться и хоть немного выровнять дыхание, которое с таким шумом вырывалось из моих легких, что было практически невозможно услышать что-либо, кроме собственного хрипа. И это несколько нервировало, поскольку не позволяло объективно оценить обстановку и понять: в безопасности ли я?

Кап-кап. С крышки бочка на землю не торопясь падали капли воды. Где-то вдалеке слышался шум трамвая. Звуки поступали несколько рвано: капающую с мусорного бака воду я слышала, шум двигателей проезжающих метрах в трехстах по проспекту машин тоже. А вот вокруг пятачка спасительной тьмы, где я остановила свой бег, вернее, там, где сил мчаться дальше уже не осталось, стояла тишина: не было слышно ни шелеста листьев на окружающих площадку деревьях, ни обычных звуков жилого дома, находящегося примерно в тридцати метрах левее мусорной свалки. Ни-че-го... Тишина. Полная. Что, понятное дело, показалось мне немного странным и заставило не расслабляться. Впрочем, куда уж больше было напрягаться-то?

Я опустила взгляд на свои прижатые к подбородку колени: сквозь прорези брюк на них на левой виднелся и начинал саднить «симпатичный», крупный кровоподтек, правое было сбито в кровь; сами же черные джинсы были испачканы в чем-то вроде глины. Пальто было грязное, растегнуто, две верхние пуговицы болтались на нитках, а нижние вообще оторваны. Его полы чуть ли не полоскались в ближайшей луже, а правый рукав был практически оторван. Один из ботинок на толстой подошве, с налипшими на нее комьями глины, умудрился эту самую подошву почти потерять – наполовину отклеенная, она, что называется, «просила есть», давая возможность проветрить мокрые, порванные на пальцах колготки в сеточку (черные и когда-то симпатичные). Черная же вязаная шапка, со зверским желтого цвета смайлом, сползла на одно ухо так, что выбившиеся из-под нее мои черные «бараньи» кудряшки мокрыми сосульками падали на лицо, закрывая его правую часть, что, впрочем, было и неплохо – они вполне себе прикрывали и фингал под глазом. На руках не спеша застывала грязь. А любимые готишные перчатки были где-то потеряны. Некогда длинные и ухоженные ногти на руках были сломаны, и судя по ощущениям, под ними тоже были энные запасы глины с песком, хоть горшки лепи, что называется.

Внимательно оглядев себя, я скептически хмыкнула: «Мдя, ногти стричь, руки в ванночку с маслом и ромашкой, брюки на выброс, ботинки в помойку, пальто, скорее всего, туда же. Голову ладно, голову, пожалуй, помою. Ибо сей предмет моей личности выбрасывать жалко, все ж я не Змей Горыныч, и потому голова у меня только одна, хотя и дурная, но эксклюзивная. А вот синяк, синяк под глазом придется маскировать тоном и темными очками. А то ж неудобно как-то с фингалом в люди выходить. Комплекс с моей стороны, наверное?»

Точно, он самый и есть, видимо, цивилизация виновата: была б я в первобытном обществе, наверняка б фонарь под глазом считался самым что ни на есть обычным делом. А так теперь на тональник вот надобно тратиться. Ну да ладно, -главное, что на плечах осталось то, на что этот самый тональник можно будет наносить».

Тяжело вздохнув, я огляделась: освещение практически обошло эту помойку стороной, так что сидеть мне приходилось почти в полной темноте. Нет, ну что-то в виде света, конечно, проникало в этот закуток, например, из стоящего чуть вдали многоэтажного дома. Так же немного света падало и со стороны аллеи, проходящей метрах в десяти от моего убежища. Точнее говоря, свет с аллеи падал на ту лужу, за которой я расселась, и уже, отражаясь от нее, давал некую толику освещения на мой квадрат.

На улице промозглым маревом висел холодный туман пополам с мелким морозящим дождем, отчего свет фонарей казался размытым. Небо было черным, без всякого проблеска звезд или луны. Я почувствовала, как сырость начала медленно, но неуклонно подбираться ко мне: исподволь проникая за воротник, тягуче вползая в рукава, явно намереваясь обосноваться на моем теле всерьез и надолго. Представив, что со мной будет через этак еще хотя бы полчаса такого сиденья, я поежилась. На помойке становилось совсем неудобно, да и запах. В горячке я его не ощущала, но теперь от бачков конкретно попахивало. Я поморщилась. Нет, конечно, не до жиру, так что запах можно и перетерпеть, да и пальто у меня теплое. Вернее, мысленно поправила я себя, оно когда-то было теплое, но холодный мокрый асфальт, на котором я сидела, и надорванный рукав явно добавляли сквознячка организму и способствовали выветриванию тепла из оногo. Ко всему прочему, адреналин начал потихоньку покидать тело, так что меня слегка потряхивало. Нет, пока еще не от холода, а от начавшего выходить нервного напряжения, но при таком раскладе и переохлаждение не за горами.

Подняв голову, я еще раз настороженно прислушалась и осмотрелась, насколько мне это позволяла сделать моя загнанная в угол позиция: «А собственно, чего я паникую то? Может, уже все и рассосалось? Не до утра же мне тут сидеть? Так и заболеть недолго. А оно мне надо?» – на этом вопросе я и прервала свои логические рассуждения, решительно выпрямив спину и гордо задрал подбородок. Затем глубоко вздохнула. Немного нервно поправила на голове шапку, затолкав вырвавшиеся из-под нее кудряшки обратно, кое-как поднялась, разбитое колено ныло и разгибалось неохотно.

С трудом, но все же достигнув вертикального положения, я одернула пальто и еще раз, на всякий случай, мало ли че, внимательно огляделась вокруг. В основном в поисках какой-нибудь веревки, подходящей для подвязывания ботинка к его подошве. Искомое нашлось быстро, совсем недалеко от бачка лежал мокрый грязный кусок какого-то шпатага. Еле-еле (почему-то все тело болело) наклонившись, я подняла веревку и, обмотав несколько раз ею ботинок, завязала узел. Затем потопталась на одном месте, проверяя крепление: «Результат не айс, конечно, но до дому доковыляю... А большего и не надо, я надеюсь...» На словах: «я надеюсь...» пришлось призадуматься: «А так ли это? Действительно ли с приключениями на сегодня покончено? Или попа еще не исчерпала свой лимит попадалова?»

Из памяти тут же услужливо всплыли события сегодняшнего вечера... И меня перевернуло от неприятных воспоминаний. А начиналось все весело и безобидно: часов в десять вечера ко мне завалилась подруга, и мы с ней решили проветриться, а именно посетить один из ночных клубов, чтоб отметить осеннее равноденствие...

– Не знаю зачем, но отмечали ж его древние, – заявила мне она. – Почему нам нельзя?

Я задумчиво почесала «репу»:

– Действительно, почему нет?

На том и порешили. Сказано – сделано. Приятельница зашла за мной в десять. Не, ну конечно, мы договаривались с ней на-а часов этак пол девятого. Но кому ж в голову взбредет требовать от девушки пунктуальности? Разве что мужчинам. Но поскольку в данном слу-

чае дураков среди нас не наблюдалось, то я искренне поздравила приятельницу с почти точностью. Далее, дождавшись, когда я «моментом дособируюсь...», т. е. в одиннадцать вечера, мы радостные вывалились из дома на поиски хорошего настроения и приключений. Забегая вперед, скажу, что с первым пунктом у нас вышла неувязочка, а вот второй... второй мы явно перевыполнили.

Должна заметить, что в этот раз нас почему-то понесло, не в знакомый клуб в центре города, а на его окраину, в новостройки. Собственно говоря, мы с подругой банально «купились» на рекламу: импозантного вида африканец раздавал листовки с анонсом этого нового, только-только открывающегося заведения прямо у метро. А в рекламке соответственно рассказывалось про супер-пупер новый клубешник. Про жж-у-уть какой навороченный и остроновомодный дизайн интерьера в этом самом клубешнике. Ну и, несомненно, нам была обещана крутая вечеринка... (и она несомненно удалась, только не в том месте и не так, как мы ожидали)

Ко всей этой крутизне прилагалось и «девушкам бесплатные коктейли». Ну и т. д., и т. п. В общем, все как обычно в таких случаях. Но мы загорелись. А что? Почему не попробовать что-то новенькое? Да запросто: гулять так гулять, как говорится. Вот мы радостные и отправились гулять по адресу...

Радостно проехали через полгорода. Радостно вывалились из пустого трамвая где-то на его кольцо. И радостно пошли вперед по пустой, полутемной, с промышленно-офисными зданиями улице. Свернув пару раз в неизвестном направлении и оказавшись в темном, освещенном единственным тускло горевшим фонарем проулке, среди пустых, зияющих черными провалами окон зданий, мы с подругой заподозрили, что слегка заблудились... ну так, самую малость. И пока, расположившись под единственным во всем этом переулке фонарем, подруга оптимистично старалась ввести в поисковик смарта название нужного нам места, я с любопытством пыталась рассмотреть в почти полной темноте, окрестности.

Ну-у, во-первых, и правда было интересно: куда это мы забрались невзначай? Во-вторых, не хотелось мешать приятельнице, усиленно тыкающей пальцем в темный экран смартфона, по ходу, она, видимо, его не зарядила, в ее попытках его реанимировать. Но, с другой стороны, я-то свой вообще дома забыла, так что стояла молча – че говорить-то ей под руку? Да и вообще че мешаться со своим вниманием и ненужными комментариями – только нервировать человека... Может, она щас этой самой рукой технику потрясет, пальцами в экран потыкает, постучит кулаком по прибору, он и заработает? Хотя и так ежу понятно, что надо спрашивать дорогу у кого-нибудь. Осталось только этого самого «кого-нибудь» здесь найти.

А то пока что из присутствующих на этой улочке наблюдались только мы с ней, неработающий смартфон да кое-как работающий фонарь, который, конечно, светил, но несколько тускло, да и мигал постоянно. Так что собравшееся на этой улице общество было явно мало пригодно для расспросов. В связи с чем начал наклеиваться вариант: топать обратно к остановке и оттуда начинать поиски нужного нам адреса по новой. Не, неохота, конечно, да и вообще лень. Но не до утра же нам тут плутать? Замерзнем.

На этой зрелой мысли я и решила прервать подругу в ее попытке оказать давление на отказывающуюся общаться технику путем постукивания оней о ближайший столб (а то еще и свет пропадет – стучала-то она своим смартфоном об единственный работающий в этом проулке фонарь). Так можно вообще в темноте остаться: ни те фонаря, ни те смартфона, фонарик заменяющего... Бррр. Нерадостная перспективка на незнакомой местности. Итогом моих умозаключений явилось мое решительное дерганье подруги за рукав. Ноль реакции. Еще раз представив себе всю тяжесть последствий для нас от ее неутомимых попыток заставить телефон работать, я во второй раз тронула ее за рукав пальто, отвлекая от «воспитания» прибора и привлекая внимание к себе.

Одновременно с процессом хватания приятельницы за рукав я скорее почувствовала, чем увидела, что в черном провале окна ближайшего к нам с ней пустого здания зашевелилось нечто еще более темное, чем оконный проем. Я на миг замерла, насторожившись, а затем молча, коротким движением руки дернув подругу за локон (ну-у, что под руку попало), указала кивком головы на эту шевелящуюся неизвестность. Зашипевшая от боли приятельница оторвалась от своего интересного занятия и с недоумением и раздражением посмотрела сначала на меня, потом в указанную мной сторону.

Тем временем несколько размытая Тьма, неожиданно всплывшая в проеме, начала подрагивать, уплотняться и принимать очертания человеческой фигуры. Мы оторопело, широко раскрыв глаза, смотрели на это кино.

– Может, бомж? – голос приятельницы чуть срывался.

Прерывисто вздохнув, я кивнула. В голове мелькнула мысль, что дуракам везет и искомый «Нибудь» образовался прямоком перед нашими очами. Только вот спрашивать у него дорогу мне почему-то расхотелось. Потому отвечать подруге я ничего не стала, внимательно вглядываясь в незнакомца. Что-то не совсем правильное было в его силуэте. Но что? Этого я сообразить не могла. Силуэт тем временем сформировался в высокого, худого, черного человека и словно бы поплыл к нам из тьмы. Вздогнув, я схватила подругу за руку и потащила прочь. Кажется, я поняла, что мне показалось странным в этом деле: силуэт не издавал звуков. Вообще никаких. А ведь влезть на окно, постоять в его проеме, спрыгнуть с него на землю, оно ж должно звучать?! Ну, шорох там, скрип – он же вроде держался руками за остатки рамы. Тот же шелест, когда он пробирался к нам через куст. Но звуков-то не было! Этот некто словно поглощал их. И я не оглохла, я слышу шумное дыхание подруги, поскрипывание песка на асфальте под нашими ногами, гудок автомобиля где-то вдалеке. Но этого товарища я НЕ слышу! Он двигался слишком бесшумно, чтоб его не бояться.

Оглянувшись, я почувствовала, как мое сердце екнуло, а затем бешено забилося в груди, плавно подступая к горлу, – некто приближался к нам и приближался очень быстро. Он уже поравнялся с фонарем, что позволило мне вглядеться в него внимательней. Но увиденное лишь еще больше напугало меня: вместо лица у нашего преследователя по-прежнему была только темнота. У него были руки, ноги, но я не могла понять: «Одет ли он? А если одет, то во что? Во что-то черное и облегающее? Ниндзя? С какого перепугу тут ниндзя-то нарисовался? И почему отправился за нами? Это вообще человек или нет? Если не человек, то кто? А если это человек, то почему весь силуэт имеет такие нечеткие, рваные очертания? Или мне это только кажется с перепугу?»

Вопросы вихрем проносились в моей голове, и ни на один из них не было ответа. Подругу было спрашивать глупо, вряд ли она поведала б мне что-то вразумительнее того, что я и сама видела, да и терять время на умные аналитические беседы что-то не хотелось. Она, видимо, придерживалась того же мнения, или у нее просто слов не было, так что отступали мы молча, все прибавляя в скорости.

Обернувшись в очередной раз, я поняла, что хоть сам силуэт неизвестного и не приобрел более четких очертаний, но вот эти длинные блестящие предметы у него в руках мне пожалуй что хорошо знакомы – они вполне себе, конкретно так, напоминают тесаки или мачете. Но в данном случае для нас хрен редьки... Так что мы дружно схватились за руки и рванули прочь еще быстрее (хотя, казалось бы, куда уж еще быстрее-то? К этому времени мы и так уже бежали так, что только пятки сверкали). Тем не менее, добавив скорости, мы буквально летели на первой крейсерской куда глаза глядят, молча и со всем старанием. Ну а дальше...

Дальше был сумасшедший бег по темным пустым улицам... Затем они закончились, и мы уже мчались через какой-то пустырь на свет окон стоящего на отшибе и замеченного нами здания. Несколько раз я навернулась. Раз зацепилась пальто за какой-то торчащий из покосившегося столба крюк. Один раз моя нога застряла среди бетонных плит, и вырвать ее из тех тисков

нам удалось с большим трудом, жертвуя целостностью подошвы, вернее, ее тесной дружбой с ботинком. Так что дальше наше перемещение в пространстве проходило под ее хлюпающие звуки.

Мы бежали, не ощущая времени, не запоминая последовательность событий. Помню только, что несколько раз я помогала упавшей подруге подняться, несколько раз она вытягивала меня с земли, заставляя мчаться дальше. Помню, что наткнулась на какую-то ветку, чуть не выколов себе глаз.

Преследователь между тем потихоньку, не торопясь, сокращал между нами расстояние. Сейчас мне кажется, что он наслаждался процессом, будучи уверенным, что мы от него не уйдем. Мы же летели от него прочь так, что только пятки сверкали... Пустырь между тем производил впечатление какой-то бескрайней равнины, а казавшийся спасением свет окон неизвестного строения все никак не приближался. На самом деле теперь мне не думается, что пустырь был таким уж большим, мы ж не марафонцы, и даже адреналин не мог бы помочь нам бежать слишком долго, да еще с та-а-акой... бешеной скоростью. Но тогда, тогда это расстояние казалось бесконечным, а черная фигура ниндзя – приближающейся слишком быстро.

Наконец наши ноги коснулись вымощенной плиткой дорожки, ведущей к какому-то круглому, этажа на три, зданию, по первому беглому впечатлению, состоящему из одних только окон. Окна были большие и приветливо светились в ночной мгле. Это радовало, была надежда встретить там людей и найти помощь. Ничего странного в том, что стоящее на отшибе здание так иллюминирует, почти в двенадцать ночи, я тогда не увидела. Влетев на круглое широкое крыльцо с кое-где отломанной плиткой, мы почти врезались в большую стеклянную дверь. Нашупав ручку двери, подруга судорожно ухватила за нее двумя руками и начала тянуть что есть сил. Мотаясь на ней в разные стороны и пытаясь открыть нам путь внутрь. Но все ее усилия были тщетны. Дверь была заперта. Я в панике оглянулась назад: черный высокий силуэт не спеша плыл по дорожке в нашу сторону. Создавалось ощущение, что именно плыл, а не шел, хоть ноги у него и были на месте, ну или по крайней мере их видимость. Самым ужасным открытием для меня на тот момент стало то, что шествующая по направлению к нам черная особь не отбрасывает тени.

Подруга начала истошно руками и ногами барабанить в дверь... Удары глухим эхом отражались где-то внутри здания, судя по всему, пустого. Я подняла взгляд вверх. Над дверью красовалась вывеска: «Почта России». «М-дя, с неспешностью нашей почты мы тут быстрее умрем, чем получим помощь», – мелькнула в голове одинокая скептическая мысль.

Так что я начала спешно оглядываться вокруг в поисках большого булыжника ну или хотя бы кирпича, на худой конец. Нет, не для того, чтобы стукнуть им преследователя, хотя тоже хороший вариант, но при наличии у того в руках двух ножей... плохо выполнимый. А для того, чтоб разбить им окно и попасть внутрь здания, поскольку сил бежать больше не осталось: колени дрожали, ноги подгибались, руки тряслись. Одним словом, мы – выдохлись.

Да и куда бежать-то? Кругом незнакомая местность и темень хоть глаз выколи. Что я, собственно говоря, уже чуть и не проделала с собственным глазом, наткнувшись в темноте на торчащий из кустов сук (или то было дерево? Не поняла... Но не суть. А суть в том, что бежать нам некуда). Так что оставался только один вариант: попасть в здание, разбив окно (нехорошо, конечно, проникновение... опять же, но не до жиру, быть бы живу). И там, спрятавшись в его глубине, найти телефон, чтоб вызвать полицию. Ну или, может, если нам повезет, здание стоит на сигнализации, и тогда полиция явится сама. А нет, так там наверняка полно помещений, где можно спрятаться и отсидеться до утра, а уж утром-то кто-то из сотрудников да явится на работу, все ж завтра будний день вроде бы. В любом случае, по сравнению с нашей возможной тесной встречей с господином, имеющим в своем арсенале два отличных тесака, вариант провести энное количество времени в кутузке за хулиганство явно выглядел предпочтительней.

Но нам повезло: откуда-то из глубины помещения, не торопясь, с недовольным выражением лица (тут я его понимаю. На его месте я б тоже не видела причин для радости, чай не наследство привалило, а две встрепанные, чумазого вида девицы), выплыл охранник и вальяжно, вразвалочку, пошел к двери. От радости мы буквально приплюснули свои физиономии к стеклу, подпрыгивая и отчаянно жестикулируя. Охранник наконец пересек большой, ярко освещенный холл и достиг двери. На вид ему было лет около тридцати. Чуть выше среднего роста, с явно наметившимся брюшком. Темноволосый, коротко стриженный, с несколько оплывшей физиономией, на которой наметилась одно-двухдневная щетина, и поросячьими глазами, взгляд которых, однако, был достаточно цепким и внимательным. Чуть наклонив голову и скептически осмотрев нас, нервно переминающихся с ноги на ногу за дверью, охранник, решившись, чуть приоткрыл ее.

– Что?.. – Его вопрос так и завис в воздухе, поскольку мужчина заметил почти нависшую над нами черную фигуру неизвестного «поклонника» с парой громадных ножей в руках.

Больше ни слова не говоря и не задавая дурацких вопросов (за что мы были ему благодарны), он резко втянул нас внутрь помещения, захлопнув дверь прямо перед самым носом (или что у того там...) у нашего преследователя. Мы попытались перевести дух, но, как оказалось, рано. Рука охранника, потянувшаяся было к рации, так и замерла в воздухе. Да и сам он просто застыл, чем-то напоминая статую вождя мирового пролетариата у Финляндского... Его глаза округлились, физиономия вытянулась. И было отчего: не сбавляя хода, неизвестный стал просачиваться в стык между створками дверей. Этот процесс напоминал что-то среднее между расплющиванием его фигуры, с последующим ее протискиванием в дверной зазор и превращением им самого себя в нечто, наподобие тумана или плотных клубов густого черного дыма, проникающего во все щели входной двери.

Прошло несколько мгновений, и темный силуэт начал собирать себя в середине залитого светом холла здания «Почты России». Так и не успевший вызвать подмогу охранник вышел из ступора и быстро подтолкнул нас в сторону лифта и лестницы. На ходу, пятась и не спуская глаз с неожиданно ввалившегося в охраняемое им помещение субъекта, прикрывая нас собой и одновременно подталкивая в указанном направлении, он достал из висящей на боку кобуры пистолет и поднял его. Маньяк бесшумно скользнул в нашу сторону, поудобней перехватив мачете. Охранник выстрелил...

У меня каким-то остаточным, при почти парализованной мозговой деятельности от страха, грохота выстрелов и откуда-то взявшейся пыли, в голове промелькнула мысль: «Зря он патроны тратит, наверное. Не уверена, что тварь, просачивающаяся в щели и не отбрасывающая тени, восприимчива к пулям, ну разве что к серебряным? Только вряд ли они у этого парня есть. Надо ему драпать с нами».

Я уже хотела было высказать эту здравую идею мужику, но не успела. Посмотрев на охранника, я увидела, что каким-то непостижимым образом на полу, в том месте, где он все еще стоял, стало медленно растекаться большое ярко-красное пятно. А потом что-то хлюпнуло и упало на пол, с неприятным и каким-то шипящим шлепком. Упало и застыло неопрятной розово-красной кучкой со странным запахом, прямо перед носками его ботинок.

«Какие-то красные канатики...» – отметил ма-аленький, каким-то чудом сохранивший возможность рассуждать, уголок моего сознания. А потом я завизжала! Визг был громкий, но недолгий. Подруга резко толкнула меня. Я опомнилась, замолчала, и мы вдвоем, не стовариваясь, рванули в сторону: подруга – лифта, а я – лестницы... Перепрыгивая через ступеньку, скользя на кафеле и оставляя на нем мокрые грязные следы ног, я мчалась по лестнице с такой скоростью, что рисковала вылететь в одно из этих огромных, уходящих в пол окон при прохождении очередного лестничного поворота. Кое-как вписываясь в них, я лихорадочно пыталась сообразить: «Куда мне спрятаться?! Где подруга?! Че ее понесло в лифт?! Да и вообще, какого

(!!)... тут только три этажа и закрытый на амбарный замок вход на чердак?!» – последнее я оценила, уткнувшись носом в этот самый замок.

За спиной послышался звук открывающего двери лифта. Я в ужасе подскочила на одном месте и ме-е-дленно развернулась на этот звук. По виску холодной дорожкой скатилась капля пота. В дверях поднявшегося на третий этаж лифта стояла моя подруга, смотрящая на меня круглыми от ужаса глазами. Мы в унисон облегченно выдохнули и, радостно пища, бросились в объятия друг друга. После чего порывистым движением схватились за руки и пристально, изучающе заглянули в глаза друг другу: страх, еле сдерживаемая паника, но и готовность побороться за свою жизнь – вот что я увидела в ее наполненных подступившими слезами глазах. Думаю, в моих она увидела то же самое, потому что, облегченно выдохнув, мы синхронно обернулись в сторону лифта и лестницы, переведя затем взгляд на огромное в старинном стиле окно. «Может, туда сигануть?» – промелькнула шальная мысль, которую мы тут же отмели. «Куда туда-то? В темноту и неизвестность? Нет уж! Хватит. Набегались». И снова повернули головы в сторону лифта: «Не вариант». После чего опять посмотрели друг на друга. Затем, одновременно повернув головы, усталились на закрытую дверь, ведущую в коридор, за стеклом которой виднелось множество дверей, закрывающих какие-нибудь комнаты... Это был вариант.

Свет на лестнице вдруг стал тусклым. Потянуло холодом. Откуда-то дуло потоком холодного и какого-то очень плотного воздуха. Вздвогнув, я дернула за ручку двери, ведущей в коридор. Она начала открываться. Обрадованные, мы было двинулись в проход, но... не успели.

Ни я, ни подруга не заметили и не услышали, как за нашими спинами бесшумно выросла длинная фигура в черном. Тупо глядя на накрывшую нас черную тощую тень, я так и не успела понять, почему тело приятельницы вдруг так напряглось, чуть изогнувшись назад? Недоумевающе посмотрела на нее и с ужасом увидела торчащий у нее из груди блестящий острый кусок стального лезвия в обрамлении круглого ярко-красного пятна, начавшего вдруг проступить на голубой ткани пальто моей подруги.

Красное пятно все увеличивалось и увеличивалось в размере, а я стояла, не в силах ни вздохнуть, ни закричать, ни пошевелиться, ни отвести от него взгляд. Ноги словно приросли к полу. Казалось, мир вокруг перестал существовать, оставив мне только эту острую блестящую точку, образовавшуюся над белой продолговатой пуговицей, крепко пришитой к небесно-голубого цвета пальто моей приятельницы.

Преследователь тем временем легко приподнял ее на этом лезвии, отчего ее ноги перестали касаться земли. И не спеша, вдумчиво поводил ею туда-сюда перед моим носом. «Как шашлык на шампуре...» – глухо и отстраненно подумала я, следя взглядом за амплитудой движения моей подруги, насаженной, как бабочка на булавку, на лезвие ножа этого ненормального... В висках набатом стучала кровь, щеки начали пылать. Голова приятельницы бессильно болталась из стороны в сторону перед моими расширенными от ужаса глазами. И тогда я вдруг разозлилась. И все! Мир изменился: исчез страх, исчезла дрожь в руках и ногах, исчезла слабость. Их место заняла холодная, звенящая ярость (гораздо более подходящая этому случаю). Видимо, психолог бы сказал, что я преодолела в себе комплекс жертвы. Перестала ею быть. Да, стала человеком, а не овцой, которую готовились зарезать.

Я подняла глаза на убийцу и посмотрела прямо ему в лицо, вернее, в то место, где оно, по идее, должно было быть. Но увидела только темноту с двумя пылающими малиновым пожаром щелями вместо глаз. Впрочем, теперь это не имело никакого значения, поскольку передо мной стояло только искаженное болью лицо моей подруги, ее открытый в безмолвном крике рот. Я видела лишь красную струйку крови, стекающую из уголка некогда такого притягательного и желанного для мужских поцелуев рта. Видела испачканный кровью ее же точеный подбородок. Я смотрела и видела перед собой лишь ее нежно-розовые губы, ставшие вдруг сухими и

растрескавшимися. Я смотрела ей в лицо и видела боль и непонимание, застывшие в огромных василькового цвета глазах, да разметавшиеся, словно крылья ангела за спиной, золотистые кудри. Нормальные человеческие чувства во мне вдруг окончательно растворились, оставив вместо себя яростную ледяную пустоту, точный холодный расчет и мгновенно принятое Решение – убить.

Убить без оглядки на возможности и последствия. Убить бесповоротно. Убить даже без намек на колебание. Такие понятия, как могу – не могу, умею – не умею, страшно, больно, исчезли из моего восприятия, словно их там никогда и не было. Первобытные инстинкты, присущие любому живому существу – страх за жизнь, инстинкт самосохранения – просто испарились без следа. Все, заложенное Природой, подпитанное социумом, перестало существовать, превратившись в чистое, ничем не замутненное, гладкое, как хорошо начищенный клинок, Намерение – уничтожить. Полностью. Стереть это... с лица Мироздания. Я поняла, что буду сражаться и сражаться до конца, и не потому, что хочу выжить, а потому что сделаю ВСЕ, ВСЕ и даже больше, чтобы только – Убить... это...

Душу наполнило холодной расчетливой яростью. Возникло ощущение, что мышцы тела видоизменились и увеличились. По моим расчетам выходило, что не будь эти мышцы ментальными (какое интересное слово всплыло из подсознания), то фигурой я бы стала походила на медведя, вставшего на задние лапы. Клетки тела словно разделилась надвое, и одна из этих частей оставалась человеческой, а другая стала принадлежать хищнику.

Изменились и взгляд, и сознание: я смотрела на мир глазами зверя, разум воспринимал поступающую от такого взгляда на окружающее информацию и анализировал ее с точки зрения хищника, и только как будто с внутренней стороны сетчатки глаза, на маленьком ее кусочке, окружающее по-прежнему виделось человеческими глазами, да в дальней части мозга еще оставался кусочек человеческого восприятия и анализа, поступающей извне информации. Мои глаза загорелись красным огнем, притом настолько ярким, что отсвет этого пламени отражался в бежевых плитках пола. Но все эти изменения собственной личности лишь откладывались в мозгу в виде информации, никак не сказываясь на моем изменившемся восприятии мира.

А далее я...

А ничего я далее не сделала – просто не успела. Потому что в эту самую минуту моей готовности к броску кусок стены слева от меня вдруг поплыл кругами. Его структура начала как бы чуть расплываться, становясь полупрозрачной на вид. Мы с «ниндзя» замерли на месте, полуобернувшись к ней. Правда, возникшее вновь явление не дало мне повода выпустить убийцу из своего поля зрения. Казалось, мозг превратился в какого-то киборга, настолько четко воспринималась им информация, настолько точно просчитывались варианты развития событий. Замечалось и слышалось все: от тиканья настенных часов в холле первого этажа до шелеста пролетевшего мимо окна листа, что сорвался с дерева и теперь, кружась, падал на землю; был виден и рисунок движения тела Тени, с его чуть заметными намеками на изменение положения; и темное пятнышко коричневатой грязи на кафельном полу, и оставленные нами мокрые грязные следы на нем же; и чуть отстающее с правого края крепление лампы дневного света на потолке. Остро ощущался запах: от кислого-враждебного запаха преследователя, до возникшего вдруг запаха озона и добавившегося к нему запаха дорогого мужского одеколona. И это все не только очень четко ощущалось, но и анализировалось тут же, выдавая, такое ощущение, что спинным мозгом, интересующие меня сведения, прям как по запросу. Все эти чудеса, а обычно я рассеянная бестолочь по жизни, замечались мной краем сознания, не отвлекая от главного...

И главное, вернее, главный – появился из расплывшейся стены и предстал перед нашими, гневно сверкающими разными оттенками красного, очами.

Почему я решила, что появился именно Главный? А не знаю, просто проснувшиеся инстинкты оценили его как главного среди нас. Хотя на вид это был вполне себе безобидный невысокого роста мужичок. Этаким добродушного вида дядечка средних лет, смугловатый, гладко выбритый, розовощекий, с толстым брюшком, в махровом халате зеленого цвета и коричневых шлепанцах на босу ногу (ноги, к слову, были довольно густо покрыты черной шерсткой, что в изобилии кучерявилась и на его голой груди, виднеющейся в разрезе запаха того халата). С носом-картошкой на круглой физиономии, с пухлыми щечками и густыми, черными, сросшимися на переносице бровями. Ко всему этому, почти домашнему, виду добавлялась лысоватая голова, которую обрамляли черные, коротко постриженные кудряшки.

Так вот, этот выскочивший как чертик из табакерки к нам на площадку, посверкивающий лысиной, средних лет товарищ никак не производил бы впечатление Хозяина Положения, если б не исходящая от него Сила и не пронзительный взгляд черных, глубоко посаженных, недобро сверлящих тебя глаз. И это была не просто Сила, это была СИ-ЛА, с большой буквы: от нее скручивало пополам и о-о-очень хотелось забиться куда-нибудь подальше, в уголок (да побыстрей!). Да так там и замереть, свернувшись калачиком. В надежде, хотя и тщетной, что тебя не заметят... Да и его глаза... Они были не просто антрацитово-черные. В них плескалась Тьма, в любой момент, казалось, готовая вырваться наружу... А его цепкий пронзительный взгляд просто «резал» Пространство.

В маленьких пухлых руках с коротковатыми толстыми, покрытыми черной растительностью пальцами вновь прибывший держал меч. Обычный такой меч, ничего особенного (на мой взгляд, хотя я совсем в них не разбираюсь): не очень длинный, довольно узкий. Что меня поразило, так это сталь (или не сталь?), из которой он был сделан: бело-голубая, с угольно-черным растительным орнаментом по всему лезвию и темно-серой рукояткой.

Видимо, вновь прибывший сделал шаг и взмахнул мечом. Видимо, потому что его движений я просто не успела увидеть. Заметила лишь нечто смазанное, состоящее из зеленого, белого, голубого и черного, скользнувшее мимо меня к преследователю... Воздух словно уплотнился. Стены, пол – все стало видеться несколько размазанным, дрожащим. Звуки исчезли.

Я почувствовала, что как-то перемещаюсь к лестнице, притом по воздуху, притом сама по себе: ноги приподнялись над полом, тело согнулось дугой (видимо, дядька меня толкнул). Мне кажется, что, скорей всего, я летела к стенке спиной, потому как видела свои вытянутые руки и ноги. А вот живот при этом был вогнут внутрь, что заставило попу несколько оттопыриться и смягчить приземление, как потом выяснилось... Но это выяснилось... лишь потом. А пока я осознавала себя зависшей и медленно плывущей в метре над полом, по направлению к стене, в плотном, словно состоящем из нескольких прозрачных полос полотен, воздухе, в странной позе. Тело мертвой подруги, с растекшейся под ней желтоватой лужицей мочи, лежащее на полу (Черный успел стряхнуть ее с лезвия), медленно оставалось позади и чуть ниже моих задранных вверх ног. Я успела заметить, как распадается на отдельные черные тусклые капли маньяк, как находящийся в середине того, что когда-то было телом убийцы, меч не давал возможности этим каплям стечься обратно. Они словно наткнулись на невидимый барьер вокруг него и были вынуждены, замерев на какое-то время, начать оседать на пол.

А затем... моя спина коснулась стены (судя по всему, я долетела до места назначения...), после чего организм стек по ней и плюхнулся на пол, точно на пятую точку (не, ну дядечка снайпер не снайпер, но мечет девушек весьма точно... Да и я с посадкой не подвела – приземлилась конкретно на мягкое место, в конкретно заданный угол, со всем возможным старанием, после преданного им моему телу ускорения).

И... в тот же миг, когда мое тело плотно осело на пол рядом с лестницей и упрочилось в этом положении, окружающее пространство словно взорвалось: лопнули клубящейся тьмой капли, составляющие когда-то тело убийцы. После чего пролились на пол черной тусклой смо-

лой, застывая в щелях между плитками. Со звоном вылетели наружу оконные стекла, оставив после себя в оконной раме лишь острые, торчащие наружу прозрачные иглы стекла. Вид окон теперь напоминал какие-то экстравагантного вида рамы, подготовленные для еще ненаписанной картины неизвестного художника-авангардиста. Вернулся звук. И я, словно со стороны, услышала собственный невнятный писк, что-то типа:

– И-и-и...

И несколько удивилась, осознавая, что эти звуки издаю именно я. А осознав это, стремительно вскочила и рванула прочь, буквально скатываясь вниз по лестнице. Умчалась, не глядя на мужика, молча стоявшего с полуопущенным мечом в руке и с некоторой долей интереса провожающего меня глазами. Летела сломя голову, не оглядываясь и ничего не слыша от подкатившего к горлу тошнотворного страха. Бежала, не думая о мертвой подруге, оставшейся лежать на площадке третьего этажа.

Пролетая холл, краем глаза заметила и мертвого охранника, и что стрелки часов перевалили за двенадцать: «Золушка, бя... Припозднилась с бала, однако, мать твою. Вон и туфля отваливается по ходу пьесы (полуоторванная подошва ботинка хлюпала и замедляла мое продвижение к выходу). Только вот догоняющего меня прЫнца мне дожидаться чего-то неохота...» – решила я, с шумом и грохотом вылетая за дверь.

А дальше, дальше был сумасшедший бег в темноту, не разбирая дороги. Я мчалась, преодолевая все возникающие на пути препятствия. Мчалась, не соображая, куда бегу, лишь бы бежать, лишь бы подальше от этого страшного места, от пережитого ужаса, от понимания безвозвратности потери близкого человека. Мчалась так, что ветер свистел в ушах. Мчалась, пока были силы и легкие были способны вдыхать холодный и по-осеннему горьковатый воздух. Мчалась, пока вдруг не опомнилась, оказавшись сидящей за мусорным бочком. Там и пришла в себя, снова получив возможность соображать. Затем нашла в себе силы встать. Нашла в себе силы вспомнить прошедшее. Нашла в себе мужество осознать потерю. Вот только слез у себя НЕ нашла. Не было их – слез. Глаза оставались сухими, а внутри поселилась жесткость.

Я глубоко вздохнула, еще раз попыталась отряхнуть в разы потяжелевшее от воды, грязи и недостатка у меня сил пальто. Немного нервным движением поправила сползшую на правое ухо шапку на голове. Оставив на ней «чуде-е-есные» грязные следы пальцев. Представила себе, как сейчас выгляжу... и, пренебрежительно хмыкнув, раздраженно дернула плечом: «А, п-плевать... я хотела...» После чего прерывисто выдохнула и решительно шагнула из мягкой, успокоительной темноты приютившего меня угла туда... под яркий, безжалостный свет фонарей: «Всем выйти из сумрака!»¹ (Хи...)

Мои глаза полыхнули желтым огнем. Или показалось?

---

¹ Фраза из фильма «Ночной дозор».

Настоящая история Кота в Сапогах (или Предыстория ночи осеннего равноденствия...)

Поленья в огромном камине тихо потрескивали, распространяя ненавязчивый, но ярко выраженный и очень приятный аромат кипариса. Мрак, плотно сгустившийся в комнате, нехотя отступал, словно признавая некоторое превосходство над собой пляшущих завораживающий и одновременно резковатый танец языков пламени.

Их отсвет создавал круг света и тепла вокруг камина, вызывая ощущение спокойствия и защищенности. Ровное негромкое гудение ветра в дымоходе завораживало и отбивало всяческую охоту шевелиться. Мягкая медвежья шкура, лежащая у очага, казалась крошечной по сравнению как с залом, неясные очертания которого проступали из окружающей круг света темноты, так и с самим камином, напротив которого сидели двое.

В большом мягком, обитом бархатом кресле, вытянув ноги в шерстяных полосатых носках и завернувшись в клетчатый плед, сидел немолодой седоволосый мужчина. Его лицо, несколько простоватое на вид, тем не менее сохраняло следы прежней привлекательности, морщины едва тронули его, как будто художник слегка обозначил их на холсте.

Рядом, вытянувшись на шкуре во весь рост, опершись лапой о красную атласную подушку, лежал огромный пушистый черный кот. В его круглых желтых глазах весело и таинственно отражались всполохи пламени, что танцевало в камине захватывающий танец фламенко... Черные вертикальные зрачки больших глаз то расширялись, то снова суживались. Одно ухо стояло торчком, другое было чуть прижато к голове. Кончик длинного хвоста слегка подрагивал.

Кот с интересом рассматривал свою лапу с черными матовыми подушечками и длинными прозрачными черно-серыми когтями, которые он то выпускал, то снова прятал. Отчего лапа то ошетиनिвалась острыми, загнутыми кинжалами когтей, глядя на длину и остроту которых любому становилось не по себе, то снова превращалась в мягкую и бархатную, демонстрируя мягкость и беззащитность существа, к части тела которого она относилась.

Справа от него на мраморном полу лежала черная фетровая с широкими полями шляпа и стояли черные кожаные на тяжелой кованой подошве ботинки, чем-то напоминающие ковбойские. Рядом с ними стоял обитый бархатом, с резной спинкой и толстыми витыми ножками стул, почти исполинских, по человеческим меркам, размеров, на котором был небрежно брошен черный кожаный плащ. Прислоненный к ножке стула, в коричневых кожаных ножнах стоял меч.

Кот со вкусом потянулся и от души зевнул, показав красный шершавый язык и обнажив острые, безупречно белые зубы, клыки которых были размером с указательный палец взрослого играющего на фортепиано мужчины. Отчего до наблюдателя, если бы он был в этой комнате, дошла бы простая, но ясная мысль о том, что хоть зал и был исполинских размеров, как и камин, и мебель в нем, но и кот был отнюдь не маленьким зверем. Зверем, скорее, вызывающим испуг, чем умиление и желание его погладить. Если какое желание и возникало, глядя на него, то это было желание бежать как можно быстрее и как можно дальше, не оглядываясь, в надежде, что тобой не заинтересуются и не ринутся следом.

Тем временем кот лег на живот, вытянул лапы вперед и, положив на них черную лохматую голову, немигающим взглядом уставился на огонь. Одновременно с этим человек бесшумно встал с кресла, чуть косолапой походкой подошел к камину и подбросил в него пару поленьев. Затем снова вернулся обратно, чуть кряхтя, уселся в кресло и поплотнее закутался в плед.

Кот вспоминал, не отводя чуть прищуренных глаз от огня: «Все началось с любви... Да-да, с нее с самой... Он очень любил умершего хозяина. Не той преданной, всепоглощающей

и не рассуждающей любовью, что любят собаки. Когда тело выполняет свои функции лишь для того, чтобы быть рядом с человеком, чтоб ловить его взгляд, улавливать и исполнять его малейшие желания, отдавать ему себя всего целиком и полностью, не рассуждая, прощать ему все и... не жить, если Хозяин уходит за Грань...

И-е-ет, коты любят по-иному. Не теряя себя, не уронив достоинства, видя все несовершенства человека. Они принимают его со всеми его недостатками, относясь к ним снисходительно свысока, ограничивая самого себя в свободе, чтобы быть рядом с человеком. Чтоб лежать рядом с ним на кровати, успокаивая его мурлыканьем. Чтоб ловить для него мышей, заботясь о сохранности его еды. Чтоб забирать его проблемы, переваривая их и иногда болея вместо него.

Не будь этой любви, кот просто б ушел в лес, на вольные хлеба, после смерти хозяина. Но он остался. Остался, потому что очень любил своего человека, а человек очень любил своего детеныша. Так что ради этой самой любви коту пришлось взять на себя заботу о потомстве Хозяина, ставшего сиротой и выставленного братьями из дома. С этого все и началось...

Кот поскреб когтями ковер и чуть изменил позу. О детеныше принято заботиться. Котам требуется одно, а людям немного другое. Так что человека было нужно обеспечить домом, едой, положением в обществе и женщиной для воспроизводства потомства. Для последнего вполне себе подходили король и его дочка. А вот с первым было посложнее... Свободных богатых домов в округе не наблюдалось. А Кот не был бандитом, и потому выгонять из дома какого-то знатного дуралея с его потомством ему претило. Но и обеспечить домом человека было надо. Что делать?

По зрелым размышлениям, оставался лишь один вариант: Великан-Людоед. Тут тебе и дом, и положение, и еда, и благое дело... Можно и о Принцессе подумать. Так что план созрел быстро. Остальное было делом техники: новый хозяин был простофиля, в принципе обалдевший и от свалившегося на него горя, и от подлости братьев, и от... говорящего кота. Так что убедить его придерживаться кошачьего плана не составило большого труда.

Король же просто был дурень, впавший в ступор от вида говорящего животного и усиленно соображавший: не сильно ли он перебрал вчера?.. И почему, если перебрал, явилась не белочка, а кот?

Так что этот тоже особо не сопротивлялся. Его, как говорится, можно было брать голыми лапами... Оставался, собственно, сам Людоед. И в этом была загвоздка. Нет, не в том, что он был Великан, а в том – что Людоед. Что освобожденную эту Энергию надо было переварить и не дать взять над собой верх. В противном случае людоедом бы стал он сам. С такой энергией трудно совладать в принципе, еще труднее, если по натуре ты хищник, а уж с тем Поток, который проходил через Великана, и подавно. Так что трогать Людоеда было, конечно же, верхом неразумности.

Кот вздохнул и перевернулся на спину, чуть поджав задние и вытянув передние лапы, свернул кончик хвоста бубликом: «Неразумно – да. Чревато – очень. Но... близилась осень, хозяйский детеныш мерз и хотел есть. Работы не было. Денег тоже. И потому... Людоед».

Нет, в принципе, все прошло как по маслу: великан был съеден, хозяйский детеныш пристроен. И вроде бы никаких последствий не наблюдалось. Никаких левых желаний. Так что Кот с удовольствием грелся на солнышке, охотился за мышами, флиртовал с кошками... Одним словом – жизнь наладилась, и все пошло своим чередом.

Все шло своим чередом ровно год. А через год, в один из осенних промозглых дней, слушая, как завывает ветер в печной трубе, Кот понял, что сегодня ночью он будет охотиться на... человека. Вот так.

Кот снова перевернулся на живот и свернулся калачиком, чуть прикрыв пушистым хвостом нос. Выход? А никакого выхода нет. Энергия Людоеда спокойно текла внутри него широким потоком, и этот поток требовал человечины. И совладать с ним не было никакой воз-

возможности. Оставалось только... Ну да – любовь. Кот не мог ни причинить боль человеку, ни подвести его под подозрения. А ведь начини пропадать люди в округе, и соседи тут же бы вспомнили, чей это замок... И сначала б это были только слухи... потом вилы... и факелы.

Нет, подставить хозяина Кот не мог. Любовь... однако. Оставалось одно – охота в Другом Мире. Да – такие есть, и коты хорошо чувствуют Двери в них. И одна из таких Дверей находилась в глубине леса, примыкающего к замку. Лес был не то что очень старый, а скорее, даже древний. Многовековые деревья сплелись в нем верхушками так плотно, что свет почти не проникал к их корням. Там не росла трава, не видно было молодых побегов, лишь ковер из опавших листьев шуршал под ногами да кое-где на огромных валунах, в большом количестве раскиданных по лесу, рос бледно-зеленый, почти белесый, мох. Черные стволы деревьев были причудливо изогнуты, словно танцевали странный, не известный людям ритуальный танец. Вот в самом центре этого недружелюбного леса, среди двух причудливо изогнутых стволов одного из деревьев, и находилась Дверь.

Воздух чуть колебался в разнодвижущихся слоях почти прозрачного марева, образуя небольшую впадину. Ветер шумел в кронах деревьев, где-то сбоку слышалось журчание воды в роднике. Лес жил своей обычной жизнью, когда Кот в первый раз шагнул в образованную маревом воронку... Шагнув туда, он не мог видеть, как следом за ним туда же шагнул человек...

Хозяин снова поднялся и поправил дрова в камине. Он никогда не был силен в магии и потому, когда Кот впервые заговорил с ним, чуть не чокнулся от удивления и страха. Остановило только одно: сыновье послушание – раз отец оставил ему это... в наследство, значит, так и должно быть. Отец лучше знает...

А потом были купание в холодной по-осеннему воде, гонка по полям, еще не принадлежавшим ему. Женитьба на принцессе и... разговор по душам с вроде бы довольным, но тем не менее чем-то обеспокоенным другом... То, что ему рассказал Кот, с трудом укладывалось в рамки его понимания. Но другу он поверил. Поверил сразу и беспрекословно. Поверил и стал искать информацию. Кое-что о Мире и его правилах рассказали тетрадки его отца, выкупленные у братьев, по счастью, те не успели пустить их на растопку печи. Кое-что помогли прояснить книги, хранящиеся в замке, когда-то принадлежавшем Великану. Там же, при разборе завалов в одной из многочисленных кладовых, был найден Меч.

А потом были уроки у мастеров по владению им. И были поиски ответа на вопрос: что делать, если?.. И была надежда, что это «если...» никогда не наступит. Но прошел год, и надежда умерла... В Мире за все надо платить. Но должен ли платить Друг за любовь? Должен ли кто-то платить пусть и в чужом, но Мире, за его – человека – безбедное житье, купленное такой ценой? На все вопросы для самого себя он ответил отрицательно. И потому в один из солнечных осенних дней шагнул в провал из марева вслед за Котом...

Мужчина уселся в кресло, плеснул себе вина в бокал, отпил глоток и снова невидящим взглядом уставился на огонь. В том Мире была ночь... Было холодно, и моросил дождь. Кот почему-то превратился в высокую, тощую фигуру, всю в черном. Когти, претерпев изменения, стали двумя огромными ножами. Сам же человек из стройного блондина неожиданно для себя превратился в лысоватого толстячка-брюнета. Камзол стал халатом, а сапоги – шлепанцами, одетыми на босу ногу. Но меч, меч остался Мечом...

Мужчина поставил пустой бокал обратно на столик и поплотнее закутался в мягкий шерстяной плед. Чтобы Кот смог вернуться обратно, Домой, в том Мире его следовало убить... Убить было непросто. Во-первых, он не помнил хозяина и сопротивлялся, а во-вторых, почему-то весь раскатывался на мелкие черные шарики, которым нельзя было дать срастись обратно вместе.

Кроме того, желательно было предотвратить убийство ничего не подозревающих, беззащитных и ни в чем не виноватых аборигенов. Жертвами Кот всегда выбирал девушек. Может,

их потом было вкуснее есть? Он не знал. Может, как блюдо они выглядели более эстетично? Ему трудно было судить о красоте аборигенок чужого Мира. А возможно, сказывалась некоторая доля ревности в отношении хозяина и Принцессы... Ведь свое внимание человек делил между ними. Кто знает? Да и сути это не меняет. Кота следовало остановить, желательно до убийства выбранной им жертвы. И вернуть домой. Потому что это был Друг. Потому что потом год можно было жить спокойно. Потому что... это была любовь. А остальное? Остальное надо было преодолевать. Вместе.

Человек поудобнее вытянул ноги. Вернуть домой Кота удавалось всегда. Предотвратить убийство – нет. В первый раз Кот вскочил на что-то железное и сильно грохочущее... В голове всплыло слово: «Мотоцикл». Кроличьих Дыр рядом в пространстве не было, и он нагнал его лишь в каком-то заброшенном здании, когда все было кончено... Как правило, жертвы его животного на человека не производили особого впечатления: они дурно пахли, были грязные и неряшливо одетые. Так что чувство сожаления смешивалось с чувством брезгливости.

Мужчина громко щелкнул пальцами, и моментально возникший на пороге зала слуга внес в комнату кальян. Затянувшись, человек продолжил воспоминания.

Иногда все заканчивалось благополучно. И намеченная жертва даже и увидеть ничего не успевала, как человека и кота выносило обратно, в их Мир. Переход выплевывал их на камни, прямо рядом с родником. Так что потом можно было пить, пить, пить... Долго. Взахлеб. Не останавливаясь. И потом, потом – вытянув ноги, молча сидеть на острых камнях, без сил привалившись к шершавым корням векового дерева. Так продолжалось десятилетиями. Но в этот раз, в этот раз все сложилось несколько иначе...

Мужчина задумчиво потер переносицу: «Девушек было двое. Они были опрятно одеты. Чисты и хорошо пахли». (Перед глазами почти постоянно стояла распластавшаяся на белом полу фигурка девушки в небесно-голубом пальто. Красное пятно на этой небесной голубизне, расплывающееся все шире и шире. И ее подруга с бешено сверкающими кровавой яростью глазами...)

«На кого Кот напал в этот раз? И почему он на них напал? Ответов на эти вопросы пока не было. Но он их найдет. Обязательно. Не будь он Маркиз де Карабас», – человек холодно усмехнулся.

За окном надрывно взвыл ветер. «Ничего, до следующего дня осеннего равноденствия впереди еще целый год. Он найдет ответы...» – мужчина улыбнулся. Улыбка вышла почти нежной, если, конечно, не смотреть в эту минуту в его глаза...

После полуночи

Я, чуть прихрамывая (во-первых, разбитое колено давало о себе знать, а во-вторых, просящий каши ботинок не добавлял скорости), брела по вымощенному фигурной плиткой сырому от дождя тротуару. Кожаные ботинки равнодушно втаптывали в камень мокрую, опавшую с деревьев листву. Их черные носы то пропадали в ее черно-желтом разнообразии форм и размеров, то вновь выныривали на поверхность тротуара.

«Словно парусники в бурю», – мелькнула в абсолютной пустоте сознания эта нелепая мысль. Казалось бы, где парусники и море, а где я и мой хлюпающий полуторванной подошвой ботинок?

«Вот бриги накрыло огромной волной так, что их носы зачерпнули соленую воду моря, а вот они опять вынырнули, все еще живые и способные плыть...» – рассуждала я, представляя себе бушующие воды океана, близость скал с их каменными пиками, торчащими из воды и готовыми пропороть брюхо любому, кто неосторожно приблизился к ним. И то уходящие по самые кончики мачт под воду, то вновь появляющиеся из недр морской пучины и упорно карабкающиеся на гребень волн, пытаясь на них удержаться, не провалившись обратно в бездонную бездну моря, корабли.

«Наверное, желание жить присуще всем, даже неживому, – рассуждала я. – И опавшим листьям не нравится, когда их топчут, и корабли не хотят тонуть, и человек не хочет умирать. – Я судорожно сглотнула. – Но корабли тонут, листья топчут ногами, а люди умирают. Почему?»

Я остановилась, ссутулившись, затем подняла воротник мокрого, грязного, тяжелого от пропитавшей его воды пальто с болтающимися на ниточках пуговицами и, глубоко вздохнув, посмотрела на Небо.

Видимо, так устроен человек, что когда с ним или около него что-то случается, он требует ответы от Неба.

А иссиня-бездонная чернота Неба была усеяна бело-голубыми огоньками миллиардов звезд и молчала. Да и не надо ему было говорить, само его наличие говорило за себя. В Нем ежесекундно рождались и умирали целые Галактики, превращаясь в пыль. А эта пыль или рассыпалась на атомы, или вновь обретала форму Галактик. Вот одной из таких пылинок на ботинках Вселенной и был человек. А уж рассыплется он на атомы или соберет себя в кучу, это целиком его личное дело. Во Вселенной нянек нет. Дилемму – быть или изображать, что ты есть, – каждый решает для себя сам, по праву свободы воли.

Волны Вселенной, на которых нас штормит, не зависят ни от наших желаний, ни от наших заслуг, но от нас зависит, пытаемся ли мы выплыть или предпочитаем камнем идти на дно, предоставив вместо себя окружающим лишь пустую оболочку, имитирующую личность. Эта оболочка ест, пьет, автоматически отвечает на вопросы, ходит на работу. Но сознание, чувства, то, что делает хомо сапиенса личностью, а не просто биоматериалом, т. е. именно самосознание покоится на дне моря страха, отчаянья, боли. Сам же человек становится таким помойным бачком, смердящим фобиями, истериками, поиском виноватых.

«Так что выбираешь ты?» – мысленно задала я сама себе вопрос.

Я осмотрелась по сторонам: пустая, безлюдная аллея парка, с редкими, дающими неяркий желтоватый свет фонарями вдоль нее. Мокрый ковер опавшей листвы под ногами. Черный провал парка, с черными ветками-колямами деревьев, вырвавшихся из этой черноты на неверный свет фонарей. И бездонная глубина ночного Неба.

«Все в этом мире двояко. Страшное и прекрасное идут рядом рука об руку. Но и прекрасное не значит доброе», – рассуждала я.

«Человек лишь маленький кораблик, которого несет течение жизни по волнам кармы, рока. А страшное или прекрасное – не более чем фон на пути этого движения. Декорации, к

которым по воле Сил выносит человека, показывая ему то одну сторону монеты, то другую. А что ему больше понравится, это уж решать человеку. Что понравится, так он и будет относиться ко всему происходящему с ним, так и будет себя вести с самим собой в первую очередь, а уж во вторую с окружающими его созданиями. Так что в итоге выбираю я? Вот ведь поистине философский вопрос», – холодно усмехнулась я про себя.

И резко тряхнула головой, отчего волосы мокрыми грязными сосульками свесились на глаза. «Что твой черный терьер, Притом не мытый», – мелькнула в голове ехидная мысль. Отчего я глупо хихикнула.

Затем несколько секунд снова постояла молча, раздумывая. Познать самое себя, оказывается, совсем не просто.

«Да, черт возьми, я выбираю – ЖИЗНЬ», – решила я. Затем, зло прищурившись, подняла голову вверх и, раскинув руки, яростно прорычала:

– ЖИЗНЬ! Вы слышите, с...ки?! ЖИЗНЬ!

Мокрые волосы спутались, тяжелое пальто тянуло вниз, грязные руки саднило, болело колено, но... Я была жива. Жива! И потому надо было выбираться отсюда. Вопрос: как? И куда? Грязная, мокрая, уставшая, оборванная.

А-а... «К бабушке», – решила я.

До нее было ближе всего. К тому же она все еще была на даче. Это был плюс. Правда, жила она в коммуналке. И это был минус. Но соседи-алкогоавты обычно все выходные квасили, не вылезая из своей комнаты. Так что их теоретическое наличие проблемой не являлось. И это решало возникшую дилемму – куда податься? – несомненно, в пользу бабули. Приняв решение, я, убрав мокрую прядь волос со лба, довольно шустро заковыляла дальше.

Как говорится: «Вижу цель. Иду к ней. Что тот “Искандер”², бли-ин», – иронично хмыкнула я.

Аллея казалась бесконечной, как Млечный Путь. Нога болела, мокрое пальто тянуло к земле, грязь на лице и руках начала подсыхать и стягивала кожу, мокрые волосы слиплись, полуоторванная подошва ботинка противно хлюпала.

Вот такой офигительной «красоткой» я и вползла, наверное, в последний на сегодня трамвай. Пробила, слава богу, не потерявшуюся в суматохе этого вечера карточку. И протянула ее кондукторше. Но та лишь махнула рукой, брезгливо оглядев меня с ног до головы.

– Обкуратся, поблядушки, а потом в трамвай... – услышала я ее презрительное бормотанье.

Просверлив ее спину уничижительным взглядом и показав ей фак, я устало облокотилась на поручни и посмотрела в окно.

Так, почти бездумно глядя в темное от грязи и наступившей ночи оконное стекло трамвая, с засохшими дорожками слез дождя на нем, я начала свое продвижение к дому, прочь от ночного кошмара.

Под негромкое поскрипывание, кряхтенье, мерный перестук колес и грохотанье по рельсам трамвая за окном неторопливо проплывали дома с манящими в тепло и покой светящимися огоньками окон; темные парки, пугающие своей почти непроницаемой чернотой; пустые остановки, будящие своей почти апокалиптической пустотой какой-то безотчетный, животный страх где-то внутри тебя.

Остановку за остановкой я преодолевала в почти пустом трамвае, кондукторшу и водителя я за живых существ почему-то не воспринимала. И наконец – метро.

Честно говоря, поднимаясь по ступенькам входа в него, я испытывала некоторые опасения, учитывая мой малопрезентабельный вид. Вдруг остановят? Но нет, контролеры у турни-

---

² Баллистическая ракета.

кетов разбирались с парой подвыпивших и шумных тинейджеров, так что им было не до меня. Чем я и воспользовалась, быстренько приложив карточку и юркнув на эскалатор.

Народу в метро было несколько больше, чем в трамвае. Как-никак последняя электричка. Надо было успеть добраться домой. Так что я то и дело ловила на себе неодобрительные взгляды окружающих. Это было неприятно. Потому зайдя, наконец, в последний вагон, я устало прислонилась к поручню у последней же двери вагона. Двери закрылись. И состав тронулся.

Я так увлеклась бездумным созерцанием десятков кабелей, тянущихся в темноте туннеля и выхватываемых из его мрака лишь фарами и освещенными окнами поезда, что не сразу обратила внимание на вставшего напротив меня мужчину. До меня, наверное, целых пол-остановки не доходило, что я у этой двери стою не одна. Тем не менее, все же осознав, что в стекле двери мчавшейся по туннелю электрички мое отражение больше не одиноко, я задумчиво оторвала взгляд от «пейзажей», мелькавших за окном, и обратила свое внимание на образовавшегося рядом со мной человека.

Это был парень лет двадцати семи, смугловатый, с коротко подстриженными седыми волосами и седой трехдневной щетиной на лице. Невысокого роста, одетый в потертую кожаную куртку коричневого цвета, синие джинсы и ковбойские сапоги. Славянской внешности. Лицо было и симпатичным, и не запоминающимся одновременно. Выглядел он чуть устало.

«Тоже, наверное, день тяжелый», – сочувственно подумала я и посмотрела ему в глаза. Ох, лучше б я этого не делала.

Его радужка была изумрудного цвета, цвета зеленки, которая растеклась у него по радужке, затронув и роговицу. Должна сказать, что растекшаяся по роговице глаз зеленка вызывала у меня сложные эмоции. Преобладали оторопь и удивление. При этом, судя по всему, никаких неудобств или проблем со зрением у мужчины это не вызывало. Он стоял и спокойно смотрел на меня, пока я, чуть наклоняясь вперед (любопытство у меня всегда брало верх над всеми прочими чувствами), внимательно изучала этот феномен.

«Биоробот, – решила я. – Отправлен в наш Мир с важной миссией. Потому готовился в спешке, на скорую руку. Вот и лоханулись с глазами», – пришла я к выводу, выпрямляясь.

Должна заметить, что пока я удивленно-бесцеремонно изучала объект, парень и бровью не повел. Стоял как вкопанный. Ни один мускул не дрогнул на его лице. «Точно робот», – еще раз пришла я к выводу.

Поезд прибыл на очередную станцию, дверь открылась, и мужчина не спеша покинул электричку. Я пораженно смотрела ему вслед, прижавшись лбом к холодному стеклу. Следующая станция – пересадочная. Моя. Мне еще предстояло перейти на другую ветку.

Выйдя из вагона, я размышляла о встрече с этим странным субъектом и была этому крайне рада. Поскольку размышлять о начале этого вечера не могла себе позволить. Боялась истерики. Не думать же ни о чем было делом крайне трудным. Ко всему изнутри меня все еще трясло. А презрительно-косые взгляды окружающих очень злили и возмущали, добавляя к истерике ноты злости и обиды. Так что желание поистерить было временами просто непреодолимым. А тут такое переключение внимания. И так кстати! Пряма – подарок Судьбы!

Я двинулась по бетонному проходу на другую станцию. Еще пара остановок, и я почти у цели.

Ноге в рваном, чавкающем и хлюпающем при каждом движении мокрым ботинке было сыро, холодно и неприятно. Остальному организму, впрочем, было не лучше. Хотя в метро я все-таки немного согрелась и подсохла. Что придавало оптимизма и заставляло рваться вперед – к теплой комнате, горячей ванне и еде в холодильнике. Посему я целеустремленно двинулась по глухому бетонному проходу.

Впереди шла высокая худенькая девушка. Одета в канареечного цвета пальто, перетянутое на талии широким кожаным поясом; в черной, с большими полями, фетровой шляпке на

голове и лакированных полуботиночках на высоченной шпильке, она смотрелась оригинальным ярким пятном на фоне однотонности окружающих. Ее маленькие руки в черных кожаных перчатках ловко держали изящную дамскую сумочку.

Цок-цок-цок – стучали ее каблучки по плитке пола. Хрю-шмяк-ням-плюх – вторил им мой ботинок. Мы вышли на платформу. Девушка полуобернулась ко мне: вороньего крыла волосы, легкой волной уложенные в прическу, большие василькового цвета глаза; прямая спина; маленький, чуть вздернутый нос; ровная загорелая кожа; дорогая (уж в этом мы, женщины, разбираемся) неброская косметика на лице. При виде меня на ее кукольном личике мелькнуло пренебрежение. Она искоса осмотрела меня, гордо вздернула точеный подбородок и отошла подальше.

На платформе, кроме нас двоих, никого не было. Стояла тишина. Наконец послышался шум идущего поезда, и электричка показалась из темноты туннеля.

Остановка. Двери открылись, и я шагнула внутрь, машинально скосив глаза на девушку. Та сделала шаг к краю платформы и... Чьи-то полупрозрачные шупальца схватили ее за ноги и, резко дернув, с силой втянули под вагон. Двери закрылись. Поезд тронулся. Я, остолбенев, застыла как изваяние: «Мне все приснилось? Или глючит? А девушка вообще была? Ее утащил кто-то? Или она спокойно едет в электричке? Это вообще ЧТО?!»

Ответов не было. Были только полумокрая, уставшая, голодная я, стук колес, пустой вагон и мир, переставший быть знакомым.

Поезд тронулся и въехал в туннель. Мерно застучали колеса, замелькали темные стены, протянувшегося под землей сооружения, сливаясь в одну сплошную черноту.

Электричка набрала скорость и полетела вперед по узкому, замкнутому пространству, состоящему из бетона и проводов. И в этот момент что-то полупрозрачное с наружной стороны вагона прыгнуло на дверь. Та слегка прогнулась под тяжестью сущности (как обозвала я про себя это непонятное нечто), но выдержала. Снаружи раздался режущий слух, скрежещущий звук по железу. Я на всякий случай отошла и встала в середине вагона, подальше от дверей. Разум отказывался воспринимать реальность происходящего, но инстинкт самосохранения вопил об объективности ставшего вдруг опасным и новым окружающего пространства.

Поезд дернулся и притормозил – мы подъезжали к станции. Что-то отпрыгнуло от двери, растворяясь во мраке туннеля. Электричка затормозила у края платформы.

Следующий перегон мы миновали без эксцессов. Поезд прибыл к нужной мне станции.

Одной в пустом, мчащемся в темноте вагоне было неуютно. Но вот покидать его, переступая черную полосу-границу, щель между вагоном метро и платформой, зная, что можешь быть схвачена и втянута под поезд неизвестно кем или чем, было просто страшно. Но и оставаться в вагоне было как страшно, так и глупо. И потому, сделав судорожный вдох, я опрометью прыснула из вагона, стараясь как можно выше и быстрее перепрыгнуть черную щель, отделяющую меня от края платформы.

Оказавшись в середине ярко освещенного вестибюля станции, я наконец выдохнула с облегчением. И заковыляла к эскалатору, ведущему вверх. В город.

Темнота ночного города резко контрастировала с ярким бело-голубым светом метро. Свет фонарей лишь обозначал некий переходный коридор между тьмой и светом. Сделай из него шаг в сторону и окажешься в мире тьмы.

Я брела по пустым улицам, окруженным спящими домами с темными провалами окон (большинство людей уже спало), освещенным лишь неярким светом фонарей да фарами изредка проезжающей мимо машины. Мои шаги гулким эхом отдавались во дворах-колодцах, освещенных только отблеском, в принципе, существовавшего в городе и Вселенной света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.